

concludes that, contrary to widely held opinion, Tacitus passed through the *cursus* with distinction. But growing awareness of the animosity of the principate towards the old Roman values — especially towards *virtus*—and his own consciously adopted allegiance to those values gradually affected his attitude towards public service, giving the performance of his official duties a certain dual aspect. The *cursus* of Tacitus was very successful because it fully engaged the energies of a man who always regarded serving *rei publicae* as the highest duty, a man, too, whose more than ordinary capacity for self-control is so obvious as to be palpable: for he understood now that serving the principate and serving *virtus* were two different things.

Ю. К. Колосовская

COMMEMORATORIUM
ЕВГИППИЯ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ГОРОДА

ИСТОРИЯ позднеантичного римского провинциального города во многих отношениях продолжает оставаться неизвестной вследствие недостатка источников. Тем большую ценность для описания города этой эпохи приобретают те сведения, которые могут быть извлечены не только из сочинений исторического характера. К числу таких сочинений принадлежит произведение Евгиппия.

Сочинение Евгиппия, которое он сам назвал *Commemoratorium* и которое известно в литературе как *Vita sancti Severini*¹, уже давно привлекает внимание исследователей. На историческую ценность источника и достоверность сообщаемых им сведений многократно указывалось в литературе². Однако в нашей исторической науке сочинение Евгиппия, насколько мы знаем, еще не было предметом специального рассмотрения. Это обстоятельство позволяет подробнее на нем остановиться. Написанное в 511 г. Евгиппием, аббатом Лукулланского монастыря в Италии (близ Неаполя), *Commemoratorium* представляет собой уникальное произведение для истории поздней античности. *Vita* «бросает луч света на времена и события, о которых мы совсем ничего не знаем, так как до этого времени и потом дунайские земли окутывает глубокий мрак»³. Представляя собой произведение агиографическое, сочинение Евгиппия не отрывается от основ реальной жизни и содержит множество ценнейших сведений для внутренней и внешнеполитической истории одних из пограничных районов Империи на Верхнем Дунае во второй половине V в. Читая это произведение, мы ощущаем, как гибнет старое, ан-

¹ *Vita sancti Severini* издана: PCC, SL, LXII, Parisiis, 1863; MGH, Auct. Ant., I, 2, ed. H. Sapppe, Berolini, 1877; CSEL, IX, 2, ed. P. Knöll, Vindobonae, 1886; *Eugippius*, Das Leben des heiligen Severin, Lateinisch und Deutsch. Einführung, Übersetzung und Erläuterungen von R. Noll, B., 1963. Перечень изданий *Vita* и переводов на европейские языки, начиная с эпохи Возрождения, см. W. Wattenbach—W. Levison, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, Ht. 1, Weimar, 1952, стр. 44; A. Lhotsky, Quellenkunde zur mittelalterlichen Geschichte Österreichs, Graz—Köln, 1963, стр. 138—141.

² J. Jung, Römer und Romanen in den Donauländern, Innsbruck, 1877, стр. 151 сл.; Th. Mommsen, *Eugippiana*, «Hermes», т. XXX, 1897, стр. 454; Lhotsky, *Quellenkunde*..., стр. 135 сл.; он же, Österreichische Historiographie, München, 1962, стр. 8; Wattenbach—Levison, ук. соч., стр. 44—49; E. Norden, Die römische Literatur, Lpz, 1954, стр. 115; *Eugippius*, Das Leben..., стр. 12 сл.

³ Wattenbach—Levison, ук. соч., стр. 44.

тичное общество и в муках рождается новое, средневековое. Vita несет на себе черты этой переходной эпохи.

Vita написана учеником Северина, сначала монахом основанного им в Норике монастыря, затем аббатом того же монастыря в Италии. Как пишет Евгиппий, он работал над своим сочинением около двух лет и закончил его два года спустя после консульства некоего Инпортуна (509 г.). Мы встречаемся здесь со старой античной традицией определения хронологии по годам консульств, хотя Vita была написана в правление в Италии остготского короля Теодориха Великого (493—526). О замысле произведения Евгиппия мы узнаем из его письма Пасхасию⁴ и ответа последнего Евгиппию. Прежде чем решиться предать гласности свое сочинение, которое состоит из 46 небольших глав (*capitula*), Евгиппий послал его Пасхасию⁵. Считая себя человеком невысокого образования, Евгиппий просил Пасхасия ознакомиться с его сочинением и придать ему должную литературную отделку. Пасхасий отказался и ответил, что сочинение Северина написано так ясно и просто, что он не имеет ничего к нему добавить и что никто кроме учеников Северина не может описывать его жизнь (ep. Pasch., 1).

И произведение Евгиппия, и свидетельства о нем получили широкую известность. Младший современник Евгиппия, Кассиодор (490—583), историк, сенатор и государственный деятель при дворе остготских королей, знает о сочинении Евгиппия и о том, что он составил также краткое извлечение из произведений Августина. Кассиодор замечает, что Евгиппий был не очень образованным человеком, но весьма сведущим в духовной литературе⁶. По свидетельству Исидора Севильского (умер в 636 г.), Евгиппий написал также устав (*regulum monachis*) для Лукулланского монастыря, который он оставил своим монахам в качестве завещания. Исидор знает, что Евгиппий посылал Пасхасию небольшое сочинение о жизни Северина, написанное сжатым слогом⁷. О монастыре Северина «в пределах Норика» и о нем самом упоминает Павел Диакон (VIII в.) в своей «Истории лангобардов»⁸. До нас сочинение Евгиппия дошло в нескольких кодексах X, XI, XII вв.⁹

Commematorium Евгиппия, как уже неоднократно отмечалось исследователями, основывается на его собственных наблюдениях и личном знакомстве и общении с Северином в Норике и устной традиции, бытовавшей среди старших собратьев монастырской общины¹⁰. Предполагают,

⁴ Пасхасий — лицо историческое. Он был диаконом церкви в одном из семи регионов Рима, на которые был разбит город в начале VI в. в сфере церковного управления. Умер в 512/513 гг. Папа Григорий Великий (590—604) упоминает его как автора сочинения «De sancto spiritu» (*Eugippius, Das Leben...*, стр. 118).

⁵ Поводом для написания Commematorium послужило знакомство Евгиппия с Римини и затем умер в Лукании, которого, как пишет Евгиппий, «я и многие другие Басса было написано неким сочинителем знатного происхождения, но человеком мирским. Сначала Евгиппию показалось возможным происхождения, но человеком мирским Северина, но потом он отказался от этой мысли.

⁶ Кассиодор упоминает Евгиппия в двух написанных им в период между 543—555 гг. книгах — *Institutiones divinarum et humanarum litterarum*, представляющих нечто вроде энциклопедии теологической и светской литературы для монахов основанного им в одном из своих имений в Италии монастыря (*Vivarium*). (*RE*, т. VI, s. v. Cassiodorus, стб. 1672—1674).

⁷ *Isidor. Hispal.*, De viris illustr. XXVI: Eugippius... ad quemdam Paschasium diaconum libellum de vita sancti monachi Severini transmissum brevi stylo composuit (*PCG*, SL, LXXXIII, Parisiis, 1862).

⁸ *Paul. Diacon.*, Hist. Langobard. I, 19 (ed. G. Waitz, Hannoverae, 1878).

⁹ *CSEL*, IX, 2, praefatio, p. II—VIII.

¹⁰ Так, один из монахов Северина пробыл в монашеской службе около 40 лет (*Vita*, XXXV).

что Евгиппий родился в Норике около 460 г. и молодым человеком попал в монастырь Северина, но вначале не принадлежал к его окружению и только в последние годы жизни своего учителя, вероятно, стоял близко к нему¹¹. В последних главах *Vita* Евгиппий упоминается как участник описываемых событий; он присутствовал при кончине своего учителя, при эксгумации его тела и отправке останков Северина в Италию. Он находился также при окончательном погребении Северина в Италии в Лукулланском кастелле, которое приходится на 492—496 гг.

Свое сочинение о жизни Северина Евгиппий писал не как историк; главным предметом была выдающаяся *humanitas* его героя¹². Эту особенность сочинения Евгиппия приходится иметь в виду при оценке достоверности его свидетельств о деятельности Северина. В произведении Евгиппия мы не найдем хронологических дат и временной последовательности описываемых событий, хотя *Vita* и не лишена общей хронологической канвы. Евгиппий ведет изложение по мере того, как запомнил виденное или слышанное, иногда называя имя своего рассказчика или очевидца. Некоторые главы *Vita*, возможно, преднамеренно начинаются вневременными, эпическими оборотами (*eodem tempore*; *per idem tempus*; *post haec*; *alio rursus tempore* и подобными), свойственными манере повествования в «Библии», из которой Евгиппий ввел в свое сочинение отдельные образы и сюжеты. В то же время *Vita* написана в известной для античности краткой форме изложения биографий — в форме эпитомы¹³. Из-под пера Евгиппия вышло ясное и простое описание жизни Северина, написанное отнюдь не по шаблону жизнеописаний святых, лишенное риторических прикрас¹⁴. В *Vita* вкраплены многие интересные сведения исторического характера о жизни позднеантичного города, о взаимоотношениях Империи с пограничными племенами на Верхнем Дунае и прежде всего с племенами ругиев. Эти сведения составляют главную ценность сочинения Евгиппия. Именно они дают возможность использовать его произведение как исторический источник, тем более значимый, что от эпохи падения Западной Римской империи сохранилось, как известно, очень мало свидетельств.

Как явствует из всего сочинения Евгиппия, он был человеком римской культуры и тяжело переживал падение римской власти в Норике, которое происходило на его глазах. Он отчетливо понимал, что Римская империя уже не существует. Одну из глав *Vita* Евгиппий начал следующей фразой: «В то время, когда еще существовала Римская империя, воины многих городов получали от государства плату за охрану границы. Когда этот порядок прекратился, вместе с границей распались воинские части. Только в Батависе продолжал стоять воинский отряд» (*Vita*, XX, 1). Из этого различия, которое проводит Евгиппий между неримлянами (варварами) и римлянами, можно заключить, что он происходил из римской семьи. То обстоятельство, что *Vita* была написана в правление в Италии Теодориха Великого, не позволило, вероятно, дать другую характеристику господства варваров в Прибрежном Норике как *duro barbarorum imperio* (*Vita*, XVII, 2) или *iniusta barbarorum dominatione* (*Vita*, XL, 4).

¹¹ L h o t s k y, Quellenkunde..., стр. 135; E u g i p p i u s, Das Leben..., стр. 13 сл.; R. N o l l, Frühes Christentum in Österreich von den Anfängen bis um 600 nach Chr., Wien, 1954, стр. 53—54.

¹² L n o t s k y, Quellenkunde..., стр. 136.

¹³ L h o t s k y, Quellenkunde..., стр. 138.

¹⁴ Эта особенность сочинения Евгиппия недавно в гатской литературе была отмечена С. С. Аверинцевым (см. в сб. «Из истории культуры средних веков и Возрождения», М., 1976, стр. 39, 60—61).

Евгиппий, однако, не живописал жизнь римлян в Прибрежном Норике совершенно черными красками, хотя, читая его произведение, отчетливо представляешь, что жизнь в пограничной провинции проходила в постоянной опасности из-за варварских вторжений, в недостатке средств пропитания, в сокращении товарного обмена. Страна изменила свой облик: города и кастеллы окружены стенами, перед воротами которых находятся земельные участки и луга горожан, где пасется их скот. В случае нападений и люди, и скот уводятся в город; в пору уборки урожая, когда все население на полях, город охраняет стража.

Vita начинается с момента прибытия Северина на границу Норика и Паннонии в 60-е гг. V в. О происхождении Северина, личности во многих отношениях замечательной, ничего не известно. По его собственным словам, он прибыл на дунайскую границу Империи с Востока (ер. Eug., 10; Vita, I, 1). Евгиппий сообщает, что в Норике в устных беседах (по воспоминаниям монахов) Северин говорил, что он провел несколько лет в пустыне Востока и, «призванный» оттуда, прибыл в города на границе Прибрежного Норика и Верхней Паннонии, которые жестоко страдали от нападений варваров. Он называл некоторые города Востока и говорил, что достиг Норика, счастливо избежав многих опасностей (ер. Eug., 10—11). Однако, по словам Евгиппия, Северин был совершенно латинский человек (*hominem omnino latinum* — ер. Eug., 10), что указывает скорее на западное происхождение Северина и вероятнее всего — паннонское¹⁵. Свидетельство Эннодия (умер в 521 г.) дает основание полагать, что Северин мог быть уроженцем Паннонии. Эннодий сообщает, что Антоний, родившийся вблизи дунайских берегов, в *civitas* Валерии, в знатной семье (прославившийся потом в монашестве), 8-летним мальчиком пришел в Норик к Северину (*ad inlustrissimum virum Severinum*), а после его смерти (482 г.) остался у епископа Констанция, который был родственником Антония¹⁶. Этого Констанция отождествляют обычно с Констанцием, епископом Лавриака (ныне Лорх), которого упоминает и Евгиппий (Vita, XXX). Происхождение Антония из *civitas* Valeria указывает на то, что провинций, на которые была разделена Паннония при Диоклетиане. Этой *civitas* Valeria мог быть или город Аквинк (ныне Буда), или город Сопианы (ныне Печ). Считают, что и Констанций, и Северин также были паннонцами. О происхождении Северина из северной провинции свидетельствует его образ жизни: в стране, где замерзает Дунай, Северин ходил зимой босиком (Vita, IV, 10; XVII, 3; XXXIX, 2).

Не исключено, что Северин, как и пришедший к нему Антоний, был знатного происхождения. Возможно, до своего ухода «в пустыню Востока», что уже было также замечено¹⁷, он занимал высокую административную или военную должность, как это позволяют предполагать некоторые его действия в Норике административно-организационного характера, на которых мы остановимся далее. Не исключено, что приход Северина с Востока на Дунай был его возвращением в родные места.

Северин появился на границе Норика и Паннонии в то время, когда после внезапной смерти Атиллы (453 г.) распалась держава гуннов и все подвластные им племена на Дунае пришли в движение (Vita, I, 1). Провинция Прибрежный Норик, куда прибыл Северин, входила в систему

¹⁵ I. Z i b e r m a y r, *Noricum, Baiern und Österreich*, Horn, 1956, стр. 40, 46.

¹⁶ E n n o d., *De vita beati Antoni monachi: circa Danubii fluminis in civitate Valeria Secundino parte... de splendore natalium* (Magni Felicis Ennodii Opera omnia, CSEL, VI, p. 384—385, Vindobonae, 1882).

¹⁷ L h o t s k y, *Quellenkunde...*, стр. 136.

верхнедунайского лимеса Империи и была образована в результате административных реформ Диоклетиана, когда Норик был разделен на *Noricum Ripense* (Прибрежный Норик) и *Noricum Mediterraneum* (Внутренний Норик). В III—IV вв. провинция имела гражданского наместника — презида, местом его пребывания была Овилява (ныне Вельс), и командующего военными силами — дука, который, вероятно, находился в Лавриаке¹⁸. Но в то время, о котором повествует Vita, оборона провинции была совершенно дезорганизована. Vita ничего не сообщает ни о военных, ни о гражданских властях. Защита Прибрежного Норика осуществлялась небольшим числом войск в некоторых городах и крепостях, находившихся еще в руках римлян. В этих прибрежных пограничных городах проходила многообразная деятельность Северина. Она слагалась отнюдь не только из проповедей и учреждения монастырских общин, но также из мероприятий социально-вспомоществовательного и внешнедипломатического характера. Эти последние выражались в защите римских интересов перед лицом варварских соседей Прибрежного Норика¹⁹. Мы оставляем в стороне духовную деятельность Северина и обратимся к социально-вспомоществовательным мероприятиям и внешнедипломатическим. Из их рассмотрения мы сможем убедиться, как изменилось ко второй половине V в. внешнеполитическое положение города, как сузилась его экономическая основа и какие перемены произошли в муниципальной жизни городов.

Города, о которых повествует Евгиппий, представляли собой одновременно военные крепости. Относительно некоторых из них, как Лавриак, известно, что они имели статус колонии. В правление Септимия Севера здесь был поставлен II Италийский легион, находившийся в провинции еще в IV в.; Лавриак был и стоянкой дунайского флота²⁰. При Диоклетиане на лимесе Норика в городе Фавиана (изменившем ко времени Северина свое название на *Favianis* (ныне Маутерн), был размещен еще один легион — Первый Норический²¹. Как свидетельствуют названия некоторых городов — *Asturis* (на границе Норика и Паннонии, где впервые появился Северин, ныне Клостернейбург), *Comagenis* (ныне Тульн), *Batavis* (ныне Пассау) — в них стояли некогда войска, набранные в Астурии (на севере Испании), в Коммагене, а также сформированные из батавов. Название Фавиана, по мнению некоторых исследователей, возникло из *castra Fabiana*. Относительно этих городов-крепостей мы можем думать об их происхождении из существовавших вблизи военных лагерей гражданских поселков — канаб, где обычно проживало население, обслуживавшее воинскую часть, жены и дети военных, ремесленники и торговцы.

Главным городом, где протекала деятельность Северина и где он основал монастырь, был город Фавианис. Отсюда направлялась его многообразная деятельность на запад вдоль Дуная вплоть до Реции. Северин посещал и внутренние города провинции — *Iuvavo* (именовавшийся прежде *Iuvavum*, ныне Зальцбург) и кастеллы на его сельской территории, как кастелл *Sucullis* (ныне Кухль). Он поддерживал связь с городами Внутреннего Норика.

Население городов и кастеллов в большинстве случаев определяется Евгиппием как *cives*, но так же и как горожане (*orpidanei*), как обитатели (*habitatores*), как жители (*mansores*). Однако вследствие изменившихся исторических условий и самого характера сочинения Евгиппия, мы не

¹⁸ E. Polaschek, *Noricum*, RE, Hlbd. XXXIII, стб. 994.

¹⁹ Eugippius, *Das Leben...*, стр. 19, 21; Noll, *Frühes Christentum in Österreich...*, стр. 63—66.

²⁰ Polaschek, *Noricum*, стб. 1004.

²¹ Там же, стб. 1005; Ziebermayr, *ук. соч.*, стр. 7.

можем видеть в этой его терминологии указание на наличие в городах в конце V в. граждан и неграждан в том значении слова *civis*, какое оно имело в Ранней империи. Скорее терминология Евгиппия отражает ту нивелировку, которая уже давно произошла в правовом статусе населения Римской империи, когда после эдикта Каракаллы (212 г.) *extra et intra muros* — все стали римскими гражданами²². Дальнейшей нивелировке способствовали налоговые и административные реформы Диоклетиана, так что Исидор Севильский мог сказать в VI в.: город отличается от села величиной и тем, что он имеет укрепления²³. Каждое поселение, если оно было окружено стенами, считалось городом. Его население в целом Евгиппий называет *populus* или *plebs*, хотя, как мы увидим потом, в городах Прибрежного Норика вместе со старым римским населением жили и варвары.

Земледелие — экономическая основа городов древности — не только сохраняет свое значение, но занятие сельским хозяйством становится в это время жизненно необходимым. При сокращении торговых связей с соседними провинциями и Италией позднеантичный город вынужден рассчитывать главным образом на свои ресурсы. Мы узнаем из *Vita*, что земля вокруг городов обработана и плотно заселена (*haec quippe loca frequentata cultoribus* — *Vita*, XL, 5). Неоднократно упоминается о хлебных полях (*ager segetis*) (*Vita*, XII, 4; XVIII, 1—2); о лугах близ города, на которых стоят стога сена и пасется скот горожан (*Vita*, XXX, 3—4), о принадлежащих городам лесах (*Vita*, XXX, 4), о сборе горожанами фруктов (*ad colligenda roma* — *Vita*, X, 1). Возделывается и виноград: одно из местечек на сельской территории Фавианиса называется *ad Vineas* (*Vita*, IV, 6).

На городских территориях, которые прежде в Норике были больших размеров²⁴, находятся села и кастеллы. Упоминается одно из сел вблизи Фавианиса (*in proximo a Favianis vico* — *Vita*, VIII, 2). Оно подверглось нападению ругиев, захваченные в плен римляне были уведены за Дунай. Евгиппий называет кастелл Кукуллис на территории города Юаво (*Vita*, XI, XII). Поля жителей этого кастелла засеяны хлебом (*agri*); они разделены на участки, и маленькие (*parva*) наделы лежат среди больших. Эти маленькие поля беднейших жителей (*pauperissimi*) кастелла составляют все их достояние, и в заботе о своем урожае они полагаются на самих себя. Когда посевы кастелла Кукуллис уничтожали полчища саранчи (священник этого кастелла, его жители и Северин молились в церкви о спасении урожая), некий бедняк (*quidem pauperissimus*) всю ночь отгонял саранчу от своего маленького надела (*segetem exiguum*) (*Vita*, XII). В таких горных кастеллах обработка поля плугом, вероятно, была невозможна и производилась, очевидно, мотыгой «вручную» «согласно обычаю провинции» (*opus agrale iuxta morem provinciae propriis manibus* — *Vita*, XIV, 3)²⁵. Поселения в горах отстоят далеко друг от друга. Мы читаем в *Vita*, что

²² Из свидетельства Ульпиана известно, что присходивший из села на городской территории, имел своей родиной ту городскую общину, которой принадлежало село и, следовательно, был гражданином города: *qui ex vico ortus est, eam patriam intelligitur habere, cui rei publicae vicus ille respondet* (Dig. L, I, 30).

²³ *Isidor. Hispal.*, Etymologiar. XV, 2, 6; 2, 12: *oppidum autem magnitudine et moenibus discrepat a vico; vicus est autem sine munitione murorum* (PCC, SL, LXXXII, Parisiis, 1877); *Jung*, ук. соч., стр. 150.

²⁴ *Polaschek*, *Noricum*, стб. 999.

²⁵ О кастеллах в горах Норика (*castella Norica in tumulis*) писали Вергилий и Гораций (*Virgil.*, *Georg.* III, 474—475; *Horat.*, *Carm.* IV, 14). Их не без труда захватывали войска Друза и Тиберия при завоевании Реции и Норика в 16—15 гг. до н. э. (*Vell. Pat.*, II, 95) — *Jung*, ук. соч., стр. 159; *Eugippius*, *Das Leben...*, стр. 8.

люди, отправившиеся из Тибурнии, именовавшейся прежде Теурнией (ныне Шпиталь на р. Драве), столицы Внутреннего Норика, с одеждой для бедных и пленных, с трудом перешли зимой горный перевал и прошли около 200 миль, прежде чем достигли человеческого жилья (*per ducenta fere millia... usque ad habitacula hominum* — Vita, XIX, 3).

Несмотря на то, что в экономике городов большую роль играет земледелие, население страдает от голода. Поля гибнут от засухи, от поразившей посевы ржавчины, от напавшей на них саранчи. Мы узнаем о жестоком голоде в Фавианисе (Vita, III, 1), о голоде и неурожае в Лавриаке (Vita, XVIII, 1), о гибели урожая от саранчи в Кукуллисе (Vita, XII). При случившемся в Фивианисе голоде не все богатые горожане хотели отдавать свой хлеб бедным. Северин корил некую вдову Прокулу из знатной семьи (*nobilissimis orta natalibus* — Vita, III, 2) за то, что она спрятала много хлеба (*fruges plurimas occultasse*) и отказывалась дать свои запасы бедным. Положение было спасено тем, что груженные продовольствием корабли из Реции, застрявшие во льду р. Энус (ныне р. Инн), вдруг благодаря наступившей оттепели смогли двинуться по Дунаю и достигнуть Фавианиса. Эти когда-то очень плодородные области Империи теперь были не в состоянии обеспечить хлебом население своих городов, и нужно было доставлять продовольствие из других провинций, в то время как известно, что в ранний период альпийские предгорья и равнины Норика имели прекрасные пастбища и виноградники (Strabo, IV, 6, 9) и из Норика возили сельскохозяйственные продукты, вино, масло. Большую роль в экономике провинции в IV в. играла торговля железом, скотом, кожей, а также изделиями местного ремесленного производства²⁶.

О ремесленном производстве в городах Vita ничего не сообщает. Но упоминание о ярмарках — нундинах (Vita, XXII, 2) указывает на то, что в городах были и торговцы, и ремесленники. Были они и у варваров. Известно о ювелирах у ругиев, занятых изготовлением королевских драгоценностей (*aurifices barbaros pro fabricandis regalibus ornamentis*) и находившихся на положении рабов (*servientes*). Примечательно, что саму мастерскую, где работали эти ювелиры, Евгипший называет эргастулом (Vita, VIII).

Сохраняются, скорее всего, нерегулярные торговые связи с соседними провинциями — с Рецией, откуда, как мы видели, пришли по Дунаю в Фавианис груженные хлебом суда. Существуют связи и с Паннонией, хотя она находится во власти остготов. Уже отмечалось, что из Паннонии пришел к Северину Антоний, мальчик из знатной семьи. Связи с Италией также не совсем прерваны. Северин получает из Италии письма и к нему приходят люди, например, из Медиолана (ныне Милан) (Vita, XXVI; XXXII; XLVI, 1). Но торговля с Италией ограничена и затруднена: оливковое масло доставляется в Норик редко и с большим трудом (Vita, XXVIII, 2).

Дунай сохраняет свое значение торговой дороги и средства сообщения, но совершенно утратил роль рубежа, отделявшего римлян от варваров. Города живут в постоянном страхе быть захваченными варварами. Во время жатвы, когда все население на полях, город охраняет небольшая стража из числа самих горожан. В Батависе, когда почти все горожане собирали хлеб и в городе осталось 40 мужчин для его охраны, небольшой отряд варваров во главе с неким Хунумундом напал на город, разграбил церковь, убил пресвитера и всю стражу (Vita, XXII, 4—5). Мы узнаем также о том, что укrywшиеся в лесу близ Лавриака варвары решили

²⁶ *Expositio totius mundi et gentium*, 57 (Geographi latini minores, ed. A. Riese, Heilbronn, 1878).

ночью напасть на этот город. Случайно загоревшийся из-за неосторожности грузчика стог сена на лугу вызвал в городе крики и переполох. Варвары, подумав, что они обнаружены, не решились напасть на Лавриак. Опустошив поля вокруг и захватив стадо одного горожанина, они отошли (Vita, XXX). Если люди и скот оказываются вне городских стен, варвары забирают скот и уводят в плен людей (*preadones barbari quaecumque extra muros hominum pecudumque reperrant, duxere captiva* — Vita, IV, 1; XXX, 4)²⁷.

Набеги варваров почти не встречают отпора со стороны римлян. В Фавианисе еще стоит римский гарнизон. Назван его воинский трибун Мамертин, но гарнизон весьма малочислен (*milites quidem habeo paucissimos*) и плохо вооружен (Vita, IV, 2). Между тем город подвергается нападениям варварских отрядов. Они осмеливаются так близко подходить к городу, что решившийся выступить против них римский гарнизон настигает варваров у второго мильного столба от города (на расстоянии около 3 км). Бурги — небольшие укрепления вблизи города — заброшены и оставлены²⁸. Варвары надолго задерживаются в провинции и беспрепятственно по ней разбегают. Король аламанов Гибулд выдал посланному Северином диакону Аманцию 70 римских пленников и обещал вернуть других, которых он найдет, когда более тщательно объедет провинцию (*cum diligenter provinciam peragraverit* — Vita, XIX, 5). Как пишет Евгиппий, позднее для этого был определен пресвитер Луцилл, который вызволил множество несчастных из плена (*magnum miserorum copiam a captivitate revocavit* — Vita, XIX, 5). Воины кастелла Батависа, отправившиеся за получением жалованья в Италию, были по дороге убиты варварами (Vita, XX). Население провинции уводили в плен ругии (Vita, VIII, 2), аламань (Vita, XIX), герулы (Vita, XXIV, 3), тюринги (Vita, XXVII, 3). Аламань и тюринги нападали также на Внутренний Норик и Рецию (Vita, XXV, 3; XXVII, 1).

Из этих сообщений Евгиппия можно с уверенностью заключить, что хозяйство провинции должно было приобретать все более натуральный характер. Регулярным торговым связям препятствуют нападения варваров. Их частые вторжения из-за Дуная приводят к обеднению городов, к сокращению их населения (*alii quidem trucidati, alii in captivitatem deducti* — Vita, XXVII, 3). Как известно, варвары уводили в плен молодых и здоровых людей и ремесленников. Наконец, варвары разрушают города, и они перестают быть средоточием торговой и ремесленной деятельности. Уже в конце IV в. многие крупные города на Дунае пришли в запустение. Аммиан Марцеллин писал о городах на лимесе Паннонии как о заброшенных и пустынных (Amm. Marc., XXX, 5, 2). В этих условиях занятие сельским хозяйством становится едва ли не единственно возможным. В описании Евгиппия и жители городов, и жители кастеллов — в сущности крестьяне. Их материальное благополучие в самой большой степени связано с сельским хозяйством и часто зависит от погодных условий. Все их заботы направлены на уборку урожая и заготовку плодов, на защиту самих себя, своего скота и другого достояния от нападений варваров. Роль города как убежища для населения сельской округи особенно очевидна из свидетельств Vita.

²⁷ Так, сторож монастырской базилики в Фавианисе, отправившийся за две мили от города (около 3 км) для сбора фруктов, был захвачен разбойниками (*latrones*), которых народ называет скамарами, и уведен за Дунай. Его и остальных пленных скамаров см. А. Д. Дмитриев, Движение скамаров, ВВ, 5, 1952, стр. 3—14.

²⁸ В один из таких оставленных бургов на расстоянии одной мили от Фавианиса удался Северин, чтобы предаваться посту и молитвам (Vita, IV, 7).

Возможно, по традиции город сохраняет за собой право верховной собственности на отведенную некогда всей городской общине землю: те наделы и села, о которых упоминает Vita, находились на землях городов. Но мы узнаем и о возникновении вблизи городов монастырей и монастырского землевладения. Самым большим был монастырь, основанный Северином в Фавианисе, близ стен города (*monasterium haud procul a civitate construeret; iuxta muros oppidi* — Vita, IV, 6; XXII, 4). Вне городских стен существуют отдельные монашеские кельи в Батависе и в Бойотро (ныне Иннштадт) (Vita, XIX, 1; XXII, 1; XXXVI, 1). Некоторые церкви, как в Батависе и Квинтанисе (ныне Кюнциг) также построены за городскими стенами (Vita, XV, 1; XXII, 1). Очевидно, часть городских земель находилась в распоряжении церкви и монастырей.

Хотя Евгиппий неоднократно упоминает церкви и базилики в городах и кастеллах, мы узнаем и о том, что в провинции еще сохранялись верования в языческих богов. Так, часть жителей кастелла Кукуллис, по выражению Евгиппия, «предавалась нечестивым жертвоприношениям» (Vita, XI, 2) ²⁹.

В социальном и имущественном отношении население городов далеко неоднородно. О бедных в городах провинции Евгиппий говорит неоднократно (Vita, XII; XVII; XXVIII; XXIX; XLVI). Мы уже упоминали о знатной и богатой вдове Прокуле в Фавианисе и о бедняках (*pauperes*), владельцах маленьких наделов в кастелле Кукуллис. Но прежние функции обеспечения в городе социального равновесия путем благотворительной деятельности отдельных богатых семей в значительной степени взяла на себя церковь. По словам Евгиппия, хотя население провинции вследствие сурового господства варваров жестоко страдало от голода (*quamvis ex duro barbarorum imperio famis angustias sustinerent* — Vita, XVII, 1—2), бедные почти всех городов и кастеллов были накормлены стараниями Северина.

Для снабжения бедных пропитанием и одеждой в городах была введена десятина (*frugum suarum decimas pauperibus impendebant* — Vita, XVII, 2). Северин установил ее, пользуясь своим большим влиянием, а не вследствие предписания церковных властей ³⁰. К поставке этой десятины он увещевал посланиями и население Внутреннего Норика (Vita, XVII, 4). Взимание десятины было возможно с помощью монастырской и церковной организации ³¹. Такая организация, как видно из свидетельств Евгиппия, существовала и в Прибрежном Норике, и во Внутреннем. Он довольно часто упоминает о служителях церкви (Vita, XII; XVI; XIX; XXIV); назван епископ Лавриана Констанций (Vita, XXX) и епископ столицы Внутреннего Норика, Тибурни, Павлин (Vita, XXI) ³². Во всех городах и кастеллах были церкви, где население собиралось не только ради проповедей и молитвы, но и для обсуждения забот, связанных с уборкой урожая, в случае угрозы нападения варваров, для раздачи продоволь-

²⁹ Возможно, население кастелла Кукуллис составляли потомки романизованных кельтов. Нельзя не заметить сходства в названии кастелла Cucullis и Genius Cucullatus, божества кельтского происхождения. См. R. Noll, Telesphoros — Genius Cucullatus (Beiträge zur älteren europäischen Kulturgeschichte. Festschrift für R. Egger, т. II, Klagenfurt, 1953, стр. 184 сл.); см. также P o l a s c h e k, Noricum, стр. 1023.

³⁰ E u g i p p i u s, Das Leben..., стр. 21, 131; В раннехристианской церкви десятина известна только с VI в.

³¹ Там же, стр. 21.

³² Сведения исторического характера о христианстве в Норике восходят ко времени Диоклетиана, когда в результате преследования христиан в 303 г. погибли христианские мученики в некоторых городах Норика. На соборе в Сердице (ныне София) в 343 г., где было осуждено арианство, в числе сторонников епископа Афанасия, отстаивавшего католический символ веры, присутствовали епископы Норика (N o l l, Frühes Christentum in Österreich..., стр. 17—19, 22 сл., 43—44).

ствия и одежды нуждающимся. Так, в одной из базилик Лавриака, где «собралось огромное множество нуждающихся», Северин собственноручно производил раздачу оливкового масла (Vita, XXVIII, 2).

Города не всегда охотно давали десятину. Задержали однажды поставку десятины жители города Лавриака (Vita, XVIII, 1), не прислали одежду для бедных жители Тибурнии (Vita, XVII, 4).

При посредстве церкви осуществлялись и вспомоществовательные мероприятия в пользу попавших в плен к варварам римлян³³. Северин «особенно усердно хлопотал о том, чтобы вернуть свободу людям, томящимся под господством варваров» (Vita, IX, 1). Свободу пленным он старался добыть посредством выкупа (Vita, IX, 1; X, 1), обмена (Vita, VIII, 2) и переговоров с варварскими королями (Vita, XIX, 3—5). Мы уже упоминали о том, что по договоренности Северина с королем аламанов Гибульдом было возвращено много пленных. Стараниями Северина были возвращены римляне, захваченные королевой ругиев Гизо (Vita, VIII, 2). Хотя Vita ничего не сообщает о муниципальных властях, можно предполагать, что все эти вспомоществовательные мероприятия церкви проводились без их участия. Но сам характер деятельности городских магистратов к этому времени мог существенно измениться.

Изменилось и само положение города в системе Римской империи. В сущности, позднеантичный город Прибрежного Норика находится уже вне этой системы. Фактически город состоит под властью королей ругиев и, как мы увидим далее, обязан им уплатой налога.

Ругии, которых упоминает еще Тацит (Germ. 44), во времена Северина занимали области современной Нижней Австрии севернее Дуная, напротив Прибрежного Норика. Эти области они захватили, освободившись из-под власти гуннов после смерти Атилы³⁴. Эту страну ругиев — Rugiland — на том берегу Дуная упоминает Павел Диякон³⁵, называя и короля ругиев Фелефея (именовавшегося и Февою), который, по свидетельству Евгиппия, часто посещал Северина и пользовался его советами, как и ранее его отец Флакцифей (Vita, V, VIII). Короли ругиев несомненно знали латинский язык и, очевидно, могли писать по-латыни. Так, и о короле аламанов Гибульде, которого мы уже упоминали, Евгиппий сообщает, что королю было послано Северином письмо с просьбой о возвращении римских пленных и от короля был получен письменный ответ (Vita, XIX, 5).

По отношению к Империи ругии находились на положении федератов. В 458 г. они поставили воинские контингенты императору Майориану. Положение федератов ругии использовали для усиления своего влияния в почти оставленной провинции. В некоторых городах Прибрежного Норика стояли гарнизоны ругиев, как это известно для города Комагениса, где некогда стояла ala I Commagenorum³⁶. Как пишет Евгиппий, обособившиеся в городе варвары вступили с римлянами в союз и очень бдительно охраняли город, не позволяя свободно кому-либо в него входить или выходить³⁷. Отношения старого римского населения и варварского

³³ Выкуп церковью пленных и участие епископов в переговорах с варварскими королями было, как известно, явлением нередким для этого времени. (Eugirpius, Das Leben. . . , стр. 126).

³⁴ L. Schmidt, Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. I. Die Geschichte der Ostgermanen, B., 1910, стр. 327.

³⁵ Paul. Diacon., Hist. Langobard. I, 19: Feletheus. . . Rugorum rex ulteriorem Danubii ripam incolebat, quam a Norici finibus idem Danubius separat. . . Rugiland, quae latino eloquio Rugorum patria dicitur.

³⁶ Polaschek, Noricum, стр. 1002.

³⁷ Vita, I, 4: Hoc barbarorum intrinsecus consistentium, qui cum Romanis foedus inierant, custodia servabatur artissima nullique ingrediendi aut egrediendi facilis licentia praestabatur.

гарнизона — недоверчиво подозрительные. Во время случившегося ночью землетрясения жившие в городе варвары (*barbari intrinsecus habitantes*), не разобравшись, в чем дело, силой заставили римлян открыть им ворота и, думая, что они окружены врагами, бежали из города, в замешательстве убивая друг друга (*Vita*, II, 1—2). Можно думать, что в Коматенисе был и римский гарнизон, в руках которого находилась охрана городских ворот.

Римское население провинции ругии рассматривали как своих подданных. Если раньше право на устройство ярмарок в городах сенатских провинций предоставлялось сенатом, в императорских — императором³⁸, то теперь от королей ругиев зависело, дать ли римлянам право торговли в их собственных городах (*Vita*, XX, 2), или разрешение на устройство в городах еженедельных ярмарок, нундин. Жители кастелла Батавис просили Северина испросить для них у короля Фелефея позволение торговать (*mercandi licentiam* — *Vita*, XXII, 2). Города были обязаны ругиям уплатой трибута (*Vita*, XXX, 1; XXXI, 4).

Ругии могли насильственно вторгнуться на римскую территорию, увести пленных, перекрестить католиков в ариан (ругии были арианами). Королева ругиев Гизо, жена короля Фелефея, распорядилась однажды захватить некоторых римлян из села на территории Фавианиса и увести их за Дунай, рассматривая захваченное римское население как своих рабов. Ругии отпустили римлян, чему решительно противилась королева, которая ответила вступившемуся за них Северину: «Прячась в своей келье, раб божий, и молись там себе, нам же позволь распоряжаться нашими рабами так, как мы хотим» (*ora, inquit, tibi, serve dei, in tua cellula delitescens: liceat nobis de servis nostris ordinare quod volumus* — *Vita*, VIII, 2).

Благодаря дипломатическим способностям Северину удавалось влиять на короля ругиев Флакцифея и его сына и наследника Фелефея, который стал королем около 475 г. Город Фавианис, как отмечал уже Р. Нолль, был выбран Северином не случайно в качестве места поселения и местонахождения основанного им монастыря: напротив, за Дунаем, на месте нынешнего Кремса, находилась резиденция королей ругиев. Король Флакцифей пользовался советами Северина в своих взаимоотношениях с остготами, занимавшими тогда Западную Паннонию и юго-восточную часть Внутреннего Норика. Отношения ругиев и остготов были враждебными. Остготы вторгались в области ругиев, а ругии не решались переходить Дунай и нападать на остготов (*Vita*, V). Когда под командованием короля свевов Гунимунда образовался союз дунайских германцев против остготов (в котором участвовали скиры со своими вождями Эдикой и Гунульфом — первый был отцом, а второй — братом Одоакра, сарматы со своими вождями Бевкой и Бабаем), к коалиции примкнули и ругии во главе с королем Флакцифеем. Но эта коалиция была разбита остготами на р. Бос в Паннонии в 469 г. (*Iord.*, *Get.* 277—279). После этого поражения король ругиев Флакцифей особенно опасался готских вождей (*Vita*, V, 1).

Отношения римлян и ругиев носили, вероятно, многообразный характер. Переправа через Дунай была беспрепятственной и для римлян, и для ругиев (*Vita*, VI, IX, XXXIII). Рынки ругиев за Дунаем (*nundinis barbarorum*) свободно посещали римляне (*Vita*, VI, 4; IX, 1—2). И знат-

³⁸ Император Константин, восстановив в прежнем виде, с портиками и другими зданиями пострадавший от пожара город *Aquae Iasorum* (ныне Дарувар) в Паннонии, дал городу на вечные времена право на устройство ярмарок каждое воскресенье — *CIL*, III, 4121: . . . *Aquas Iasas olim vi ignis consumptas cum porticibus et omnibus ornamentis ad pristinam faciem restituit, provisione etiam pietatis suae nundinas die solis perteti anno constituit*; J u n g, ук. соч., стр. 115.

ные ругии (*ex optimatibus — Vita, XXXIII, 1*), и простые люди приходили в провинцию (*Vita, VI*). Как пишет Евгиппий, с тех пор как одному не имевшему надежды на выздоровление ругию Северином было возвращено здоровье, Северина начал посещать весь народ ругиев (*universa Rugorum gens — Vita, VI, 5*). Один из монахов его монастыря в Фавианнсе был *barbarus genere*, возможно, ругием (*Vita, XXXV, 1*).

Евгиппий сохранил известия о влиянии Северина среди германских племен на Дунае. Евгиппий сообщает, что «некоторые варвары, направляясь на службу в Италию, приходили к нему, чтобы удостоиться его благословения» (*Vita, VI, 6*). И далее он приводит интересное свидетельство об Одоакре: «Среди варваров пришел и Одоакр, который потом правил в Италии, в очень невзрачной одежде, высокого роста молодой человек. Когда он стоял, согнувшись, чтобы не упираться головой в потолок низкой кельи, узнал он от божьего человека, что прославится. На прощанье он сказал ему: „Иди в Италию, иди, хотя теперь ты в беднейшем платье, но вскоре будешь сам щедро одаривать многих“» (*Vita, VII*)³⁹. Встреча Одоакра с Северином приходится на 469—470 г., когда после поражения коалиции на р. Болия часть скиров вступила в римское войско. Уже будучи королем в Италии, Одоакр направил Северину письмо, в котором предлагал ему что-либо попросить для себя в благодарность за предсказание. Северин попросил о возвращении, очевидно, в Италию некоего изгнанника Амброзия, находившегося, вероятно, в Прибрежном Норике, что Одоакр исполнил (*Vita, XXXII, 1*).

Из сообщения Евгиппия мы узнаем о мерах, которые предпринимал Северин и, очевидно, другие представители церкви и, может быть, муниципальная власть по эвакуации населения из верхнедунайских городов, находившихся под угрозой захвата их аламанами и тюрингами. Когда население Квинтаниса, совершенно опустошенного нападениями аламанов, переселилось в Батавис (*Vita, XXVII*), Северин убедил население этих обоих городов выселиться в Лавриак, так как и Батавис оказался в угрожаемом положении (*Vita, XXVIII, 1; XXX, 1; XXXI, 1*). Но и стены Лавриака не были надежным убежищем, и городу также грозило быть захваченным аламанами. Тогда в события вмешался король ругиев Фелефей. Он выступил с войском, намереваясь захватить собравшееся в Лавриаке римское население и увести его с тем, чтобы насильственно расселить в городах провинции, подвластных ругиям и обязанных им уплатой трибута (*in oppidis sibi tributariis atque vicinis — Vita, XXXI, 1*). Тогда по просьбе населения Северин отправился к королю, «чтобы смягчить его сердце». Как пишет Евгиппий, Северин шел всю ночь и встретил войско короля

³⁹ В источниках отразились различные сведения о происхождении Одоакра. Его считали скиром, готом, ругием, гуном и даже скифом. Наиболее достоверно свидетельство Иоанна Антиохийского, согласно которому Одоакр происходил из германского племени скиров. Его отец Эдика был известным полководцем при дворе Атилы. Вероятно, Эдика погиб в битве на р. Болия в Паннонии. Иоанн упоминает и брата Одоакра — Анфемия (467—472). Одоакр стал копьеносцем в императорской гвардии, возможно, благодаря поддержке патриция Ореста, который был знаком с отцом Одоакра. (Как тора Анфемия германские федераты провозгласили императором Юлия Непота, свергнутого Орестом с помощью германских наемников. За это он обещал им предоставить германские наемники восстали под командованием Одоакра. Орест был убит в Плаблиз Неаполя с выплатой ему ежегодного денежного содержания. Победившее войско федератов провозгласило Одоакра императором. Его резиденцией была Равенна. Одоакра не признавали Далмация и Галлия (RE, Hlbd. XXXIV, s. v. Odoacer, стб. 1888—1891).

у 20-го мильного столба (около 30 км) от города. Небезынтересен разговор, который состоялся между королем и Северином и который сохранил Евгиппий. В ответ на напоминания Северина королю о том благе, которое извлекали из добрых отношений ругии и римляне при его отце Флакцифее, король Фелефей ответил, что он выступил с войском потому, «что не потерпит, чтобы народ, заступником которого выступает Северин, жестоко страдал от опустошительных набегов аламанов и тюрингов, был предаваем огню, погибал от меча или был уводим в рабство, в то время как у нас есть близкие и подлежащие трибуту города (*vicina ac tributaria oppida*), где эти люди должны быть размещены» (*Vita*, XXXI, 4).

Евгиппий не раскрывает, в чем именно состояли обязанности *tributaria oppida* в отношении королей ругиев. Вряд ли речь идет о земельном налоге (*tributum soli* времени Ранней империи), который уплачивали в императорскую казну провинциальные города, не имевшие италийского права. Вероятнее всего города платили ругиям подушный налог (*tributum capitis*). Возможно, король Фелефей потому настаивал на том, чтобы размещение римского населения в подвластных ему городах происходило в присутствии и под наблюдением его войска, так как в этом случае он мог быть более осведомлен о числе переселявшихся римлян, которые теперь должны были платить ему налог. Евгиппий сообщает, что Северину удалось убедить короля поручить ему заботу об этих людях, «чтобы в толпе такого большого войска они не оказались уничтоженными вместо того, чтобы быть переселенными». Король уступил и возвратился со своим войском обратно. *Vita* не сообщает, почему король уступил и отошел от Лавриака. Возможно, сфера власти и влияния ругиев в провинции на запад доходила до реки Аппизус (ныне р. Энс)⁴⁰, где был расположен Лавриак, и население городов, лежавших западнее Лавриака, было вне власти ругиев. Из следующего свидетельства Евгиппия видно, однако, что, хотя король и не прибег к насильственному размещению населения из западных городов провинции, тем не менее позднее население это было размещено в подвластных ругиям городах. «Тогда, — пишет Евгиппий, — римляне, выселившиеся из Лавриака, которых принял под свое покровительство Северин, мирно разместились в городах и жили в союзе с ругиями» (*cum Rugis societate vixerunt* — *Vita*, XXXI, 6). В числе этих городов был и Фавианис.

Не все население верхнедунайских городов было согласно оставить «родимую землю» (*genitale solum* — *Vita*, XXVII, 3). Жители Батависа не хотели покинуть город, оставшиеся подверглись нападению тюрингов, одни были убиты, другие уведены в плен.

Действия по переселению и размещению населения лежали в компетенции администрации провинции. Однако, если верить Евгиппию, то без санкции каких-либо гражданских или военных властей было оставлено несколько римских городов на верхнедунайском лимесе и среди них такой большой город, военная крепость и стоянка дунайской флотилии, как Лавриак. Эти действия проводились под руководством и по инициативе простого монаха (Северин отклонил предложенный ему сан епископа — *Vita*, IX, 4), что свидетельствует о влиянии и авторитете Северина как у римского населения провинции, так и у ругиев, и о его больших административных и организаторских способностях. Северин, возможно, в прошлом крупный римский администратор или военный, о чем мы уже упоминали вначале, отчетливо понимал слабое положение римлян в Прибрежном Норике и предвидел оставление провинции (*Vita*, XXXI, 6; XL, 4—5).

⁴⁰ Z i b e r m a u r, ук. соч., стр. 56.

Власть ругиев над городами Прибрежного Норика восточнее Лавриака была распределена между королем Фелефеем и его братом Фердерухом, который из немногих городов, оставшихся в руках римлян на Дунае, как пишет Евгиппий, получил город Фавианис (Vita, XLII, 1). Отношение Фердеруха к римскому населению провинции до некоторого времени было, очевидно, благожелательным. Фердерух навещал Северина. Последний, как передает Евгиппий, предостерегал его от захвата города и ограбления монастыря. Но после смерти Северина (482 г.) Фердерух «совершенно разграбил монастырь и оставил только стены, которые не мог перетащить за Дунай» (Vita, XLIV, 3).

Междоусобия в королевском доме ругиев (сын Фелефея, Фредерик, убил своего дядю Фердеруха), как считает Евгиппий, дали Одоакру повод вторгнуться в области ругиев. Однако Евгиппий не осведомлен о действительной причине ухудшения отношений Одоакра с ругиями. Действительной причиной послужило подстрекательство византийского императора Зенона, который не признавал Одоакра и поддерживал свергнутого императора Западной Римской империи Юлия Непота⁴¹. Этот последний после провозглашения императором Ромула Августула удалился в Далмацию, где жил как частное лицо. (Позднее Одоакр распорядился убить Юлия Непота.) Используя разногласия между Византией и королем остготов Теодорихом, Одоакр намеревался выступить против Восточной Римской империи. Чтобы отвратить эту опасность, император Зенон поручил королю ругиев Фелефею вторгнуться в Италию и поселиться там с его согласия. Но прежде чем ругии смогли осуществить это, зимой 487 г. Одоакр перешел Дунай и разбил ругиев в их собственной стране. Король Фелефей и его жена Гизо были захвачены в плен и казнены в Равенне. Их сыну Фредерику с частью ругиев удалось бежать (Vita, XLIV). Вторично Одоакр послал войско против ругиев в 488 г. под командованием своего брата Оноульфа и комита Пиерия. Ругии были совершенно разбиты⁴². Оноульфу и Пиерии было дано распоряжение эвакуировать в Италию все римское население провинции (Vita, XLIV, 3—5)⁴³. Об этом походе Одоакра в страну ругиев сообщает и Павел Диакон (*venit in Rugiland pugnabitque cum Rugis*), отмечая, что была опустошена вся провинция и Одоакр привел в Италию множество пленных⁴⁴. Последовавшее по распоряжению Одоакра в 488 г. оставление римлянами Прибрежного Но-

⁴¹ Schmidt, ук. соч., стр. 330.

⁴² Фредерик бежал к Теодориху, что дало ему повод выступить против Одоакра, который был убит в 493 г. в Равенне. Ругии участвовали в провозглашении Теодориха королем (Schmidt, ук. соч., стр. 332).

⁴³ «Тогда было выкопано тело святого Северина и положено в приготовленный заранее деревянный саркофаг, так как Северин предсказал оставление провинции и переселение в провинцию на римской земле (*in Romani solo provinciam*) и просил не оставлять его кости варварам» (Vita, XL, 5—6; XLIV, 7). И далее Евгиппий продолжает: «Саркофаг положили на телегу, запряженную лошадью, и повезли. Вместе с этой телегой потянулись с нами все люди из провинции, оставив свои города на Дунае, и были распределены по всем местам в различных областях Италии» (Vita, XLIV, 7). Останки Северина были помещены сначала в кастелле *mons Feletrus*, но затем с согласия папы Геласия (492—496) они были захоронены в *castellum Lucullanum*, в специальной гробнице, построенной на средства богатой женщины, некоей Варбарии, которая ранее хорошо знала Северина и поддерживала с ним переписку (Vita, XLVI, 1—2). В Неаполе в VIII в. в честь Северина был сочинен гимн (*Hymnus sancti Severini abbas* — MGH, Auct. Ant., I, 2, Berolini, 1877). Название *castellum Lucullanum*, как уже было давно замечено, связано с роскошной виллой Луция Лициния Лукулла. Здесь в Кампании, близ Неаполя была ранее вилла Мария (Plut., Mar. 34). Существовала Лукулланская императорская вилла при Августе и Тиберии. Сюда, как мы уже упоминали, был сослан Одоакром последний римский император Ромул Августул (Ford., Get. 242—243).

⁴⁴ Paul. Diacon., Hist. Langobard. I, 19: ...vastaque omni provincia, Italiam repentes, copiosam secum captivorum multitudinem abduxit.

рика диктовалось, вероятно, опасностью угрожающего распространения из-за Дуная германского племени герулов вследствие уничтожения государственного образования ругиев⁴⁵.

Вопрос об оставлении Прибрежного Норика в 488 г. по распоряжению центральной власти и уходе гражданского населения провинции имеет самое непосредственное отношение к проблеме континуитета римских городов в раннем средневековье⁴⁶. Как справедливо считает Г. Таллер, следует различать понятие «город» со всеми присущими ему особенностями типично городской жизни от понятия «город как место поселения». Г. Таллер полагает, что можно говорить не о континуитете города, но континуитете поселения, который обнаруживается в западных городах Прибрежного Норика, лежащих вне сферы влияния ругиев, разделительной линией власти которых в провинции была река Энс. Переселение из верхнедунайских городов — сначала из Квинтаниса в Батавис, а затем из этих городов — в Лавриак происходило добровольно. Ни центральная власть, ни провинциальные гражданские власти не проводили эвакуацию населения, оставлявшего города под давлением тюрингов и аламанов. Не все население оставляло «родную землю». Римские названия этих городов, захваченных аламанами и тюрингами, как отмечает Г. Таллер, хотя и в измененной форме, сохранились в названиях городов средневекового и нового времени: Quintanis — Кюнциг, Batavis — Пассау, Lauriacus — Лорх, Cucullis — Кухль, в чем следует видеть следы преемственности населения городов античных и городов средневековых. Напротив, те города, которые находились под властью ругиев и затем были оставлены по распоряжению центральной власти, когда произошла эвакуация Прибрежного Норика, не сохранили в своих названиях следов этой преемственности: Favianis — Маутерн, Comagenis — Тульн, Asturis — Клостернейбург. Причины этого Г. Таллер видит в том, что восточная часть Прибрежного Норика дважды пережила военные походы Одоакра против ругиев, приведшие к опустошению провинции. Последовавшее в 488 г. оставление провинции привело к тому, что в заселении городов образовался вакуум. Античные наименования некоторых поселений на восточном участке лимеса Прибрежного Норика — Arelape, Yvesis и наименование реки Anisus сохранились в современных названиях рек — Эрлауф, Ибс, Энс, что, как полагает Г. Таллер, свидетельствует о том, что сельское население в отличие от городского не все покинуло провинцию.

Что касается самого существования города во второй половине V в., как определенной формы организации экономической и муниципальной жизни граждан, то на основании свидетельств Египция представляется возможным заключить, что по сравнению с городом I — III вв. и в экономической основе города, и в его муниципальной жизни произошли существенные перемены. Мы вряд ли можем считать, что позднеантичный город, подобно городу Ранней империи, представлял собою гражданскую и одновременно землевладельческую общину. Хотя и земледелие, и скотоводство продолжают играть большую роль в хозяйстве городов, экономическая основа города крайне сужена вследствие сокращения торговых связей и нарушения товарного обмена. Гражданская община в значительной степени разбавлена варварским населением городов. Несомненно, в городах были должностные лица, но в характере их деятельности произошли изменения. Во всяком случае, среди городских магистратов находились лица, ответственные за внесение трибута королям ругиев. В религиозной

⁴⁵ Schmidt, ук. соч., стр. 335.

⁴⁶ H. Thaller, Die Städte der Vita S. Severini im Donauraum. Beiträge zur älteren europäischen Kulturgeschichte. Festschrift für R. Egger, II, Klagenfurt, 1953, стр. 315—321.

жизни города большую роль играет община христианская, и одним из признаков большого города стало наличие в нем епископской кафедры ⁴⁷. Некоторые функции муниципальных властей заменились благотворительной деятельностью церкви и христианских общин. В этой связи нельзя не вспомнить слова Ф. Энгельса о христианстве, как о наследии, оставленном античной цивилизацией Средневековью. Энгельс писал, что единственным, что Средневековье «заимствовало от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, утративших всю свою прежнюю цивилизацию городов» ⁴⁸. Условия существования этих городов, как мы видели, всецело зависели от варваров, вследствие чего возрастает значение города как места убежища для сельского населения. Все это позволяет сближать позднеантичный город с городом ранне-средневековым.

THE *COMMEMORATORIUM* OF EUGIPPUS AS A SOURCE ON THE CITY IN LATE ANTIQUITY

Yu. K. Kolosovskaya

The *Commemoratorium* by Eugippus, known in the literature as the *Vita sancti Severini*, makes possible a description of a city in the province of Noricum Ripense in the second half of the 5th century A. D. Agriculture, the economic base of ancient cities, is still the main occupation of city-dwellers. But its significance as an economic factor has been reduced by the disruption of normal commercial ties with neighbouring provinces and with Italy. Continual incursions by barbarian tribes tended to increase the role of the city as a place of refuge for the population of the surrounding countryside. In the *Vita sancti Severini* there is no precise evidence on the functions of municipal authorities, but it may confidently be inferred that at this time the nature of their functions had undergone considerable change. The city's charities, formerly administered by societies of «small people» (*collegia tenuiores*) and by individual rich citizens for the benefit of the plebs were now conducted by Church bodies. A city's life was affected in significant degree by its relations with the Rugi tribes, which were *foederati* of the Late Roman Empire. Some cities in Noricum Ripense were garrisoned by Rugi and were obliged to pay *tributum* to the kings of that tribe, on whom also depended the city's right to hold fairs (*mercandi licentiam*). The city's dependence on new foreign policy relations and the alter-mediaeval city. The essential fact is that the city of late antiquity is outside the Roman imperial system.

⁴⁷ Мы знаем о такой кафедре в Лавриаке (*Vita*, XXX, 2), где было по крайней мере две базилики (*Vita*, XXVIII, 2). Лавриак назван *urbs* (*Vita*, XXX, 4; XXXI, 2), а Констанций — *pontifex eiusdem loci* (*Vita*, XXX, 2), что, по мнению Цибермайра, указывает на то, что Лавриак был метрополией Прибрежного Норика (Z i b e r m a y r, ук. соч., стр. 45), т. е. главным городом епархии. Избрание епископа производилось в это время еще всей христианской общиной. Даже в Риме до 483 г. епископ избирался христианской общиной (*E u g i p p i u s*, *Das Leben...*, стр. 134).

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 360.

А. И. Павловская

К ВОПРОСУ О РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ТРУДА РАБОВ И КОЛОНОВ

ПРОБЛЕМА роли рабского труда в социально-экономическом развитии древних обществ имеет много аспектов и при исследовании экономики и социальной структуры стран древнего мира в разные периоды их истории приобретает каждый раз свою специфику. Но из множества аспектов можно выделить один, имеющий значение для всех античных и древневосточных обществ на любой стадии их развития, — это вопрос о рентабельности, т. е. *хозяйственной целесообразности*, прибыльности рабского труда по сравнению с трудом других категорий работников.

Решение этого вопроса позволяет раскрыть главные причины широкого или узкого использования рабского труда в разных отраслях производства и тем самым способствует выяснению социальной структуры древних обществ и процессов ее трансформации. Например, такие явления, как преобладание труда зависимых земледельцев в странах Передней Азии и Египта в эллинистическую и римскую эпохи, вытеснение мелкого землевладения рабовладельческими виллами в Италии II—I вв. до н. э. или распространение колонатных отношений в Римской империи, несомненно, самым тесным образом связаны с проблемой экономической целесообразности эксплуатации рабов и других категорий работников.

Вопрос о рентабельности рабского труда затрагивается как в специальных исследованиях, посвященных экономике древнего мира, так и в общих курсах по истории отдельных стран или античности в целом. В работах ряда исследователей, начиная с М. Вебера¹, широкое применение рабского труда обуславливалось двумя причинами: 1) дешевизной рабочей силы раба (при условиях его низкой покупной цены и низкой стоимости его содержания) и 2) возможностью предельной интенсификации труда рабов путем принуждения. Такая трактовка рентабельности рабского труда сложилась под влиянием хорошо известной экономической практики, существовавшей в рабовладельческих штатах Северной Америки. Безоговорочное применение этих положений к античному рабству приводит к модернизации экономических отношений в древности. Тем не менее они получили довольно широкое распространение в историографии и использовались, в частности, для попыток обоснования концепции о случайности, эпизодичности рабовладельческого способа производства².

¹ См. М. Вебер, Аграрная история древнего мира, М., 1925, стр. 345.

² Научная несостоятельность этих концепций убедительно показана в работах Е. М. Штермана [см. Е. М. Штерман, Расцвет рабовладельческих отно-